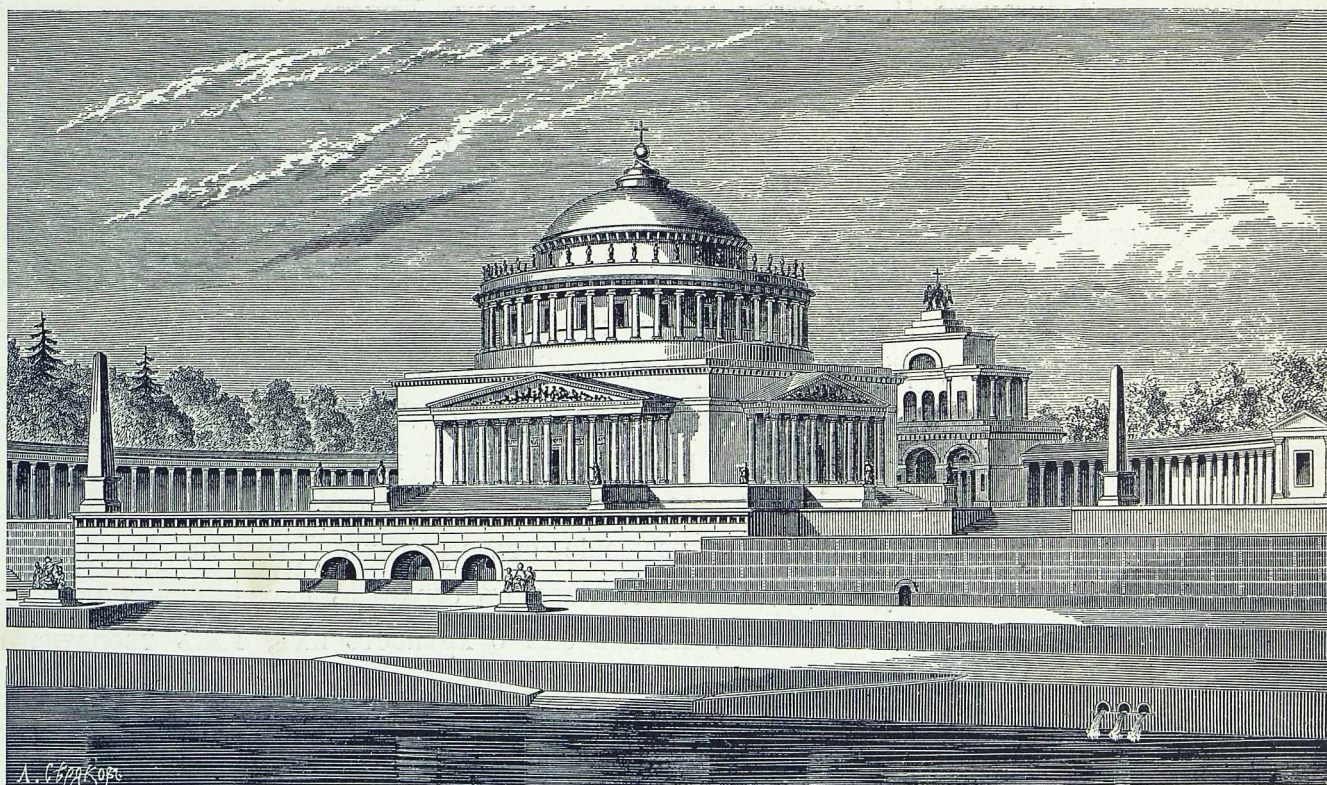

Въ оставленную непріателемъ Москву, 11 октября, вошелъ Иловайскій, и Ростопчинъ поспѣшилъ на ея пепелище, водворилъ по возможности порядокъ, облегчилъ участь несчастныхъ москвичей и въ теченіе двухъ лѣтъ положилъ начало возобновленію Москвы, въ которой до нашествія Наполеона считалось монастырей, церквей, казенныхъ и частныхъ строеній 9.257; изъ нихъ сгорѣло 6.496. Потери, понесенныя москвичами отъ пожара и грабежа, исчислялись до 83.372.000 руб. недвижимаго и 16.585.400 руб. движимаго имущества, не считая убытковъ, понесенныхъ дворцовымъ, духовнымъ, военнымъ и вообще казенными вѣдомствами. До чего доходила дороговизна, можно судить по тому, что четверть сухарей, доставленная въ 1812 г. изъ губерній до Вильны, обходилась въ 200 руб., поэтому предсѣдатель Филолотехническаго общества В. Н. Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, представлялъ образцы питательной вытяжки (роль сухого бульона), алкоголя и другихъ припасовъ.

Пѣвецъ Фелицы—Державинъ, въ іюлѣ 1813 г.; видѣлъ проѣздомъ чрезъ Москву свѣжіе еще слѣды пребыванія въ ней французовъ, а, возвращаясь въ Петербургъ, въ августъ того же года, онъ удивлялся происшедшей перемѣнѣ...

Видъ храма Христа Спасителя по проекту Витберга, который былъ начатъ постройкою на Воробьевыхъ горахъ.

Многіе каменные дома, отъ которыхъ уцѣлѣли послѣ пожарища однѣ стѣны, были уже исправлены и обитаемы. Вездѣ кипѣла работа: шумъ топора и молотка сливался съ веселыми пѣснями каменщиковъ, составлявшими странную противоположность съ поражавшими взоръ остатками разрушенія.

Послѣ 1812 г. явился подъемъ русскаго духа, съ которымъ связано возникновеніе и развитіе въ нашей литературѣ самосознанія и гордости. Пушкинъ издалъ „Руслана и Людмилу“, графъ Мусинъ отыскалъ „Слово о полку Игоревѣ“. Мотивами самобытности проникнуто „Горе отъ ума“ въ лицѣ Чацкаго, и надо пожалѣть о томъ, что А. С. Грибоѣдовъ не написалъ задуманной имъ драмы „1812 годъ“, планъ которой существуетъ; между прочимъ, въ немъ Наполеонъ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, размышляя о русскомъ народѣ, восклицаетъ: „самъ себѣ преданный, что бы онъ могъ произвести?“ Позже, въ 1831 г., Загоскинъ издалъ романъ „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году“, на который Пушкинъ написалъ критику въ формѣ высоко-художественнаго, но неполнаго разсказа „Рославлевъ. — Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы 1811 г.“, въ которомъ возстановилъ настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ сильно изуродованныхъ Загоскинымъ. Это какъ бы черновой набросокъ къ „Войнѣ и миру“; урокъ великаго мастера грядущему генію, какъ писать то отдаленное отъ него время. Это музыкальный ключъ къ великой симфоніи графа Льва Толстого. Послѣ „Рославлева“ становится понятнымъ и появленіе эпопеи